

А. В. Сидоренко

**К ПРОБЛЕМЕ БОМБАРДИРОВКИ КОПЕНГАГЕНА
БРИТАНСКИМ ФЛОТОМ В 1801 И 1807 гг.
(БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ИЛИ НЕМОТИВИРОВАННЫЙ АКТ ТЕРРОРА?)***

Любое крупное революционное событие в истории неизбежно оказывает влияние на эволюцию международных отношений. Великая Французская революция не стала исключением, приведя к целой серии войн и конфликтов. Ее последствия прямо или косвенно стали заметны во всех уголках Европы, если не всего мира. Одним из таких эпизодов эпохи сперва революционных, а затем и наполеоновских войн стала двойная атака на датскую столицу силами британского флота в 1801 и 1807 гг., что вызвало широкое обсуждение этого события как в континентальной Европе, так и в Великобритании. Целью данной статьи является проследить мотивы этих шагов с точки зрения и мотивации самих англичан, а также оценить вектор активности Туманного Альбиона в данном вопросе — являлись ли атаки на Копенгаген мерами противодействия революционной Франции, или они уже не связывались с борьбой контрреволюции и революции.

Не подлежит сомнению, что важнейшим фактором, способствовавшим атаке британского флота на Данию в 1801 г., стала применяемая англичанами во время войны Второй коалиции практика принудительной проверки грузов торговых судов нейтральных стран на наличие военной контрабанды. Это неизбежно вело к конфликтам с нейтральными державами и в конечном итоге к их стремлению воссоздать систему вооруженного нейтралитета по аналогии со структурой 1780 г. Однако нужно понимать, что у каждой из четырех держав-участниц системы Второго

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

вооруженного нейтралитета были и иные причины участия в нем. Показательно, что инициатор новой системы — Россия — формально не была нейтральным государством, с 1798 г. участвуя во Второй коалиции и все еще официально находясь в состоянии войны с Францией. Но император Павел I испытывал все большее недовольство своими союзниками и весной 1800 г. разорвал отношения с Австрией из-за ее действий в Италии¹. По сути, Павел I отказался от участия в коалиции, но не от политики равновесия. Поэтому русский царь стал искать новых союзников для реализации своей старой политики. Весной 1800 г. потенциальными партнерами оказались такие нейтральные державы, как: Пруссия, Дания и Швеция, — уже сыгравшие схожую роль в политике европейского равновесия Екатерины II, при которой была создана Лига вооруженного нейтралитета².

В активации соответствующей политики Павлу I помог очередной эпизод пиратской активности британского военного флота. 13 июня 1800 г. при входе в Ла-Манш англичане остановили караван датских торговых судов, следовавших под конвоем военного фрегата «Фрея» во главе с капитаном Крабе, потребовав осмотра судов на предмет контрабанды. Отказ датского капитана подчиниться привел к скоротечному бою и последующему захвату «Фрей» британцами. Этот эпизод вызвал в Копенгагене негодование и заставил искать союзников против разбоя англичан. По поручению своего правительства датский посол в России граф Розенкранц известил Павла I об инциденте и стал зондировать почву на предмет возможности Дании рассчитывать на помощь России. Император согласился покровительствовать нейтральной торговле при выполнении двух условий: обязательств Дании следовать за русской внешней политикой, а также присоединения к декларации Швеции, Пруссии и, если возможно, Турции³. В начале октября 1800 г. Павел утвердил записку Ростопчина, излагавшую новые, антибританские принципы русской внешней политики. В ней говорилось: «Англия среди повсеместных своих успехов, возбуждая зависть всех кабинетов своею алчностью и дерзким поведением на морях... Вооружила угрозой, хитростью и деньгами все державы против Франции и выпускала их на театр военных действий единственно для достижения своей цели; овладела тем временем торговлею целого света и, не довольствуясь и сим, присвоила себе право осматривать корабли всех земель и, наконец, дерзнула завладеть Египтом и Мальтою». Отныне противодействие Англии при одновременном сближении с ее главным врагом — Францией — становилось принципиальным направлением русской внешней политики⁴.

Этот поворот примечателен. Если ранее Россия являлась одной из опор второй антифранцузской коалиции, противодействуя революционной Франции (консульство Наполеона еще не успело радикально

повлиять на структурные изменения во Франции), то теперь сама Российская империя совершала внешнеполитическую революцию, меняя видение врагов и друзей. Но, очевидно, делалось это не из идейных соображений (хотя Павлу не был чужд идеализм), а исходя из реальной политики своего номинального союзника — Великобритании, сохранявшей антифранцузский курс и все еще остававшейся лидером европейской контрреволюции, если под ней понимать сопротивление любым действиям существующего во Франции режима.

В условиях отхода от контрреволюционного идеализма ряда держав, не могли остаться в стороне и нейтральные страны. Для датчан случай с «Фреей» стал самым настоящим вызовом проводимой датским министром иностранных дел Кристианом Бернсторфом политики противодействия нарушений флотом Великобритании прав нейтральных судов в море. По настоянию датских купцов именно он организовал конвои, которые неизбежно привели к столкновениям с англичанами, кульминацией которых стало дело «Фрей». Поэтому инцидент способствовал формированию нового вооруженного нейтралитета. При этом не только у Дании, но и у Пруссии были основания жаловаться на британцев, хотя прусская торговля и понесла меньший ущерб, чем датская⁵.

Впрочем, инцидент с «Фреей» на уровне датско-британских отношений был сравнительно быстро «замят». Датчане согласились разрешить обыск своих конвоев; а Великобритания удовлетворилась датскими гарантиями, что «никаких враждебных намерений против Великобритании не было предпринято». В большей степени англичане волновались из-за подписанного Россией и Швецией договора о военном нейтралитете, который вводил эмбарго на все британские корабли. Однако Пруссия и Дания вскоре также были вовлечены в создание Второй лиги вооруженного нейтралитета. К 16 декабря 1800 г. северные державы объявили Балтику закрытым морем, что вызвало первую британскую интервенцию в XIX веке — атаку на Копенгаген. Но если смотреть глубже, окажется что эта война была не только за принципы морского права или баланс сил; с точки зрения британцев, это была война за ресурсы и продовольствие⁶.

Из-за их потребности в товарах морского назначения и зерне торговля на Балтике была для англичан более жизненно необходима, чем для России. В 1800–1801 гг. эта потребность стала необычайно острой. Череда неурожая и быстро растущие цены вызвали в Великобритании сильный страх внутренних потрясений⁷. По сути, объявленная в 1801 г. Лигой блокада Великобритании была, несмотря на ее скоротечность, не менее опасна для Англии, чем более длительная и знаменитая континентальная блокада. Если урожаи 1807 и 1808 гг. были нормальными, то в марте 1801 г., когда эскадра Нельсона отплыла на Балтику, общий индекс цен

и цены на пшеницу в Туманном Альбионе были выше, чем в любой иной месяц эпохи революционных и наполеоновских войн⁸!

Если бы Лига вооруженного нейтралитета смогла лишить англичан запасов стратегического сырья и продовольствия, она также могла бы запретить и их экспорт. При этом наибольшую угрозу для Великобритании представляло присоединение к Лиге Пруссии, у которой не было флота и заморской торговли, поэтому, вступая в Лигу, Пруссия ничем не рисковала, но при этом могла перекрыть торговые пути Великобритании на континент. А ведь за восемь лет войны британский экспорт в Германию вырос в шесть раз. Если бы пруссаки закрыли Вислу, Одер и Эмс, а также перекрыли вторжением в Ганновер альтернативные пути — Везер и Эльбу, британская экономика была бы серьезно подорвана, а королевский флот был бы бессилён предотвратить это⁹. В этом плане Великобритания, как и Россия, уже перестала являться опорой контрреволюции в смысле противостояния революционной Франции как таковой — на первое место выдвинулись прагматичные интересы.

Естественно, Лондон должен был принять ответные меры. Из английской столицы был выслан генеральный консул России Бакстер, а задержание судна «Благонамеренный» 5 декабря 1800 г. в Портсмуте стало поводом для общего эмбарго, с января 1801 г. распространенного на датские и шведские суда. 28 февраля 1801 г. английская эскадра во главе с адмиралами Паркером и Нельсоном отправилась на Балтику, имея одной из задач — атаку русского порта Ревель. Но Англии не нужна была война с Россией, не имевшую явных перспектив и делавшую торговлю рискованным делом, что существенно ущемляло интересы Англии. При этом русско-французский союз, неминуемо укреплявшийся в ходе русско-английского конфликта, мог усугубить положение Британской империи. Поэтому экспедиция Паркера и Нельсона выглядела, скорее, как демонстрация военной мощи Англии, нежели масштабной военной операцией¹⁰. Но чтобы эта демонстрация была убедительной, флот его величества не мог вернуться с нулевым результатом. В этом смысле бомбардировка Копенгагена, столицы государства — самого слабого звена в Лиге — была более чем показательной.

Важно подчеркнуть, что атака на Данию являлась, по сути, атакой на русскую внешнюю политику. В первые месяцы 1801 г. Павел I активно участвовал в политическом и территориальном переустройстве Европы, совмещая его с конфликтом Лиги вооруженного нейтралитета и Англии. При этом император вполне сознательно использовал свое сближение с Францией для защиты собственных интересов в конфликте с Англией, но не смешивая этот конфликт с войной Бонапарта с Англией; и он сделал это, чтобы сохранить контроль над системой вооруженного нейтра-

литета его отдельными членами, а также из-за желания контролировать конфликт между Лигой и Англией¹¹.

Понимание этого обстоятельства дает основание историкам справедливо невысоко оценивать результаты первого нападения на Копенгаген. Ведь атака на датскую столицу в 1801 г. мало что сделала для решения проблем Англии в вопросе снабжения ресурсами в долгосрочной перспективе¹². Такие события в России, как гибель Павла I и последующий пересмотр Александром I целей и методов российской внешней политики, — вот что имеет значение, а не драматические, хотя и решительные действия Нельсона в Копенгагене. «Смерть Павла была удачей, на которую мы не имели права рассчитывать», — заметил один британский современник. А победа в Копенгагене не имела никакого эффекта, потому что Великобритания не могла победить Россию нападением на Данию. Интерес России к Лиге также не имел ничего общего с морским правом. Желание России организовать Лигу возникло из-за ее негодования по поводу того, что ее обманули англичане с Мальтой. Наконец, Лига не могла потерпеть поражения на море, когда война, которую она планировала против Великобритании, должна была состояться на суше¹³. Оценивая бомбардировку Копенгагена в 1801 г., можно сказать, что датская столица стала жертвой меняющейся внешней политики великих держав, отошедших от привычной борьбы с революционной Францией и ставших защищать свои национальные интересы и амбиции, в которых не всегда могло найтись место малым нейтральным странам. И не случайно, что уже в следующем 1802 г. в Европе был заключен, хотя и недолгий, но всеобщий Амьенский мир.

В отличие от нападения британского флота на Копенгаген в 1801 г., вторая атака датской столицы спустя шесть лет вызвала больший резонанс в английском обществе и удостоилась широкого обсуждения в публицистике тех лет¹⁴. Современник из континентальной Европы вопрошал: «Как можно было думать, чтобы и Дания — миролюбивая Дания, которая своим положением была отделена от страшного театра государственных изменений, поколебавших Европу ... не избежала ужасов разрушительной войны, ознаменовавшей достопамятное течение 1807 года! И в ком, о Праведный Боже! нашла она врага? — В том Государе, с которым соединена была святым и древним союзом; в той нации, которая перед целым светом гордилась титулом защитницы прав уничиженного человечества, которая именovala себя ужасом похитителей и мстительницей за оскорбленное величие Престолов. — И что же причиною возмутительного поступка Англии? — Нарушение неутралитета! — Ни мало! Дания хранила его свято! — Подозрительные, тайные связи? Известен смелый ответ ее сильной Державе: “лучше погибнуть с честью, нежели

отступить от строгих обязанностей нейтральной Державы!» — Быть может воинственные вооружения? Но войска ее находились в Голштинии, корабли военные у берегов, купеческие свободно плавали по отдаленным морям»¹⁵. А английский автор писал: «...какое право они давали нам атаковать Копенгаген? Датчане были в мире с нами — они по всей видимости защищали себя от Франции — их войска были в Голштинии, чтобы защитить ее нейтралитет, их корабли покоились, как множество бесполезных корпусов, их арсенал состоял лишь из обычных мирных складов (ибо вся ложь о морских приготовлениях была давно отброшена) — на Францию они смотрели как на врага — на Англию как на друга, который защитит их в крайнем случае и чьей помощи они будут просить в первую очередь»¹⁶.

Таким образом, более всего в этом акте агрессии современников поразила немотивированность нападения именно на Данию, внешне не представлявшую для Великобритании угрозы. Наиболее распространенное объяснение причин этого шага английского правительства исходит из опасности захвата датского флота Францией после заключения Тильзитского мира с Россией, что требовало нанести первый удар. К середине июля, когда сообщения о Тильзите достигли Англии, мощная экспедиция уже была готова отплыть в Данию. Эскадра появилась перед Копенгагеном 2 августа, военные действия начались 16 числа, после чего город, в течение нескольких дней подвергавшийся крайне жестоким бомбардировкам, капитулировал 7 сентября. А 21 октября англичане отплыли вместе с захваченными семьюдесятью шестью кораблями датского флота, до этого стоявшего на якоре в гавани Копенгагена. Англичане признали потерю всего лишь сорока двух человек в этой кампании, которая длилась двадцать четыре дня и в теории разрушила последнюю надежду Наполеона собрать флот, способный справиться с английским флотом¹⁷. Внешняя эффективность данной операции позволяла патриотически настроенным современникам весьма высоко ее оценивать: «Экспедиция на Балтику — одно из самых поразительных событий современности, образить которое представляло бы немалую трудность для любого, кто не был бы очевидцем сцены, происходившей на этом новом театре британской храбрости»¹⁸.

Таким образом, отказ датчан сдать свои корабли под британскую защиту привел к печально известной бомбардировке Копенгагена, сам акт которой стал средством для достижения целей британской политики. Один из вдохновителей этой операции в британском кабинете Роберт Каслри поздравил адмирала Гамбье с тем, что он «выполнил приказ Его Величества и не допустил, чтобы датский флот и военно-морские ресурсы попали в руки наших врагов»¹⁹. Флот традиционно считался основой

силового потенциала Великобритании, поэтому существовало убеждение, что политика продвижения Франции к «всеобщему господству» и «покорение европейского континента» возможны только путем подрыва «основ морской мощи Великобритании, реальной и в данный момент единственной преграды на пути осуществления ее взглядов»²⁰.

Однако нападение на Данию не было импровизацией, а стало следствием определенных дипломатических процессов. Неопределенность относительно того, насколько далеко готова зайти Дания в своих попытках умиротворить Францию, побудила главу форин офиса виконта Ховика предложить секретный союзный договор между Англией, Швецией и Данией для защиты северного региона. Этот шаг был попыткой английского правительства привлечь датчан на свою сторону, не дожидаясь французских инициатив. Но слабость этого предложения заключалась в том, что оно могло гарантировать лишь частичную оборону Дании, поэтому было отвергнуто. Когда известие о поражении русских под Фридландом достигло Лондона, подозрения о тайной враждебности датчан к Британии, которые «только ждут удобного момента, чтобы показать себя», переросли в уверенность²¹.

Заключение в 1807 г. Тильзитского мира, по которому Россия брала на себя посредничество в примирении Лондона и Парижа на условиях отмены «морского кодекса», а в случае неудачи обязывалась примкнуть к системе континентальной блокады, пригласив в нее Данию, Швецию и Португалию, безусловно, способствовало росту подозрений англичан. В Лондоне решили с помощью акции устрашения продемонстрировать намерения защищать свои интересы любыми способами, не останавливаясь даже перед нарушением норм международного права. Удар был нанесен по слабейшему, но важному звену в той цепи, которой союзники по Тильзиту хотели сковать Великобританию — по Дании, ведь возможное присоединение этой страны к союзу могло закрыть для британских судов проход из Северного моря в Балтийское через проливы²².

В этих условиях англичанам нечего было предложить датчанам: Британия втягивала Данию в войну, не имея возможности гарантировать оборону ее провинций. Этой непредвиденной ситуации можно было избежать дождавшись нападения французов, а затем предложить Дании помощь, что было слишком рискованно. Британцы ожидали от Франции ультиматума Дании, и у них не было оснований полагать, что датчане готовы сопротивляться французам. Риск, связанный с политикой выжидания, был слишком велик, чтобы его можно было принять²³. Проведенный историком Дж. Роузом анализ ситуации показал, что: 1) британское правительство не имело надежных источников информации об истинных намерениях датчан; 2) оно было дезинформировано об истинном потен-

циале датского военного флота; 3) все варианты разрешения конфликта между Данией и Великобританией подразумевали передачу в руки англичан датского флота, хотя при этом не исключался вариант заключения союза; 4) создание англо-скандинавской лиги было сорвано упорным отказом датского двора даже рассмотреть его возможность, а также отказом Густава IV принять английскую военную помощь для Швеции²⁴.

Англо-датский спор также возник из-за того, что часть мер, принятых Великобританией для ограничения французской торговли на нейтральных судах, вступили в противоречие с датскими интересами. Британская позиция подразумевала запрет нейтральным судам заниматься грузоперевозками между французскими или контролируемыми французами портами. Было объявлено, что те, кто проигнорирует его, будут схвачены и осуждены вместе с их грузом как законный приз. Тем временем перевозка грузов между портами Франции и ее союзников в Северной Европе и портами Средиземноморья была одной из самых процветающих и прибыльных статей датского судоходства. Ее потеря расценивалась датским руководством как серьезный удар по интересам страны. Британцами же эта позиция истолковывалась как преднамеренная дерзость²⁵.

Однако такие причины были неочевидны непосвященным наблюдателям в самой Англии, для которых «Такие грубые несоответствия не поддаются никакому убеждению — и они, естественно, порождают убеждение, что история эта в корне ложна, что мы напали на датчан... потому, что они были слабы и что, не имея другого способа показать нашу деятельность, мы решили сделать самое простое, самое безопасное и самое сомнительное дело, которое представлялось нам в данный момент, ни разу не задумавшись ни о реальной ценности предмета, ни о существенной справедливости средств»²⁶. Отсюда неудивительна осторожная реакция на бомбардировку Копенгагена даже среди апологетов британской политики. Даже в поэме, сравнивающей события в Копенгагене с лучшими проявлениями английской доблести в битвах у Трафальгара и при Азенкуре, в авторских комментариях заметны извлечения критического характера с описанием всей жестокости британских действий²⁷.

При этом критике подверглась не только крайняя жестокость, но и ограниченность действий английских флотоводцев и политиков. Один из авторов возмущался: «Ни одна экспедиция не была учреждена так неискусно, произведена в действие с таким легкомыслием и не имела таких печальных следствий, как экспедиция против Копенгагена. Непонятно, для чего наши Министры, овладев островом Зеландом, Датским флотом, Датскими арсеналами, Датскую столицю, не ввели 100,000 войска в Копенгаген, не рассудили содержать в Балтийском море сильного флота, который, при помощи Швеции, сохранил бы для них свободный

проход через Зунд и обеспечил бы совершенно Английскую торговлю на севере Европы? Но безрассудность и корыстолюбие суть отличительные достоинства наших Правителей. Министерские Журналы превознесли до небес незабвенное завоевание Копенгагена, и Министры остались довольны своею политикою; они успокоились на лаврах своих, не помышляя о том, что сделается с Зундом, с торговлею на Восточном море, с последним, несчастным союзником Английского народа, Королем Швеции»²⁸. При этом не стоит забывать и о политических пристрастиях писавших: виги стремились воспользоваться этой историей как поводом для атаки на торийское правительство, хотя в Парламенте оно и было поддержано²⁹.

Впрочем, чисто внешне демонстрация оказалась весьма эффективной. Один из авторов в патриотическом угаре указывал, что «...народы России и Турции неизбежно разделят ту же участь, если эти народы будут принуждены его [Наполеона] угрозами или соблазнены его искусством выступить против нас. Именно Буонапарте сделал Великобританию, ради ее собственной безопасности, ради ее собственного существования, владычицей океана...»³⁰.

Нападение на Копенгаген и отказ от мирных переговоров с Францией привели к разрыву российско-британских отношений. 24 октября 1807 г. царь издал декларацию, в которой Великобритания обвинялась в эгоистическом преследовании только собственных интересов в ущерб союзникам, что по сути означало объявление Англии главной виновницей европейского конфликта, продолжающегося с 1792 г. Россия впервые в истории двусторонних контактов вступила с Великобританией в войну. Датское правительство все же подписало союзный договор с Францией 31 октября 1807 г., но, не имея флота, датчане уже не могли заблокировать проливы³¹. Что характерно, русско-британская война была сравнительно мягкой, в чем-то похожей на «странную войну» 1939–1940 гг., что не осталось незамеченным современниками, отмечавшими: «В тот самый момент, когда мы убивали и грабили датчан, опасаясь, что Россия заставит их выступить против нас, мы даже не притронулись к русскому кораблю. Один из их флотов спокойно прошел мимо Гибралтара. Еще один проплыл через наши эскадры перед Копенгагеном, и оба были оставлены в покое»³². Таким образом, в 1807 г., как и в 1801 г., датская столица стала жертвой нежелания британцев начинать настоящую войну с Россией при острой необходимости демонстрации своей решимости и мощи.

В результате, в целом, очевидно, что обе бомбардировки Копенгагена не были напрямую связаны с борьбой англичан, как одной из главных контрреволюционных сил в Европе, с происками революционной Франции. Даже если принимать режим консульства и империи Наполе-

она как продолжение Французской революции, Дания с ее нейтральным статусом не имела к нему никакого отношения. Бомбардировки Копенгагена стали, в первую очередь, демонстрацией британского могущества тем державам Европы, которые, как Россия, стремились изменить систему международных отношений и бросить вызов господству англичан на море и их свободе действовать на свое усмотрение как против воюющих, так и нейтральных стран. В этом плане атаки датской столицы были настоящим террором, но вполне мотивированным. В то же время, контрреволюционный мотив в действиях англичан сохранялся, ведь изменение модели поведения на море и в европейской дипломатии (вне зависимости от того, было ли оно вызвано Великой Французской революцией или иными факторами) само по себе было революционным, и нападения на Копенгаген оказались жестокими, но необходимыми попытками спасти свой «старый порядок», как он понимался в Лондоне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Dwyer P. G. Prussia and the Armed Neutrality: The Invasion of Hanover in 1801 // The International History Review. 1993. Vol. 15. N 4. P. 662.*

² *Feldbok O. The Foreign Policy of Tsar Paul I, 1800–1801: An Interpretation // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas, Neue Folge. 1982. Bd. 30. H. 1. P. 19.*

³ *Сорокин Ю. А. Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 18.*

⁴ Там же.

⁵ *Dwyer P. G. Prussia and the Armed Neutrality... P. 662.*

⁶ *Davey J. Securing the Sinews of Sea Power: British Intervention in the Baltic 1780–1815 // The International History Review. 2011. Vol. 33. N 2. P. 171.*

⁷ *Ingram E. Illusions of Victory: The Nile, Copenhagen, and Trafalgar Revisited // Military Affairs. 1984. Vol. 48. N 3. P. 141.*

⁸ *Ragsdale H. A Continental System in 1801: Paul I and Bonaparte // The Journal of Modern History. 1970. Vol. 42. N 1. P. 84–85.*

⁹ *Ingram E. Illusions of Victory... P. 141.*

¹⁰ *Сорокин Ю. А. Заговор и цареубийство... С. 19.*

¹¹ *Feldbok O. The Foreign Policy of Tsar Paul I... P. 31.*

¹² *Davey J. Securing the Sinews of Sea Power... P. 175.*

¹³ *Ingram E. Illusions of Victory... P. 141.*

¹⁴ *Naval Papers Respecting Copenhagen, Portugal, and the Dardanelles. Presented to Parliament in 1808. London, 1809; A description of Denmark; and a narrative of the Siege, Bombardment, and Capture of Copenhagen, with the surrender of the Danish Fleet, Arsenals &c. to the British Arms in the September, 1807. From the Danish Account of J. L. Sommer. Second Edition. Colchester, [1808].*

¹⁵ *Судьба Копенгагена. (Письмо очевидца) // Вестник Европы. 1808. № 1. Том 37. С. 69–70.*

¹⁶ State Papers, etc. P. II–III.

¹⁷ *Kulsrud C. J.* The Seizure of the Danish Fleet, 1807: The Background // *The American Journal of International Law*. 1938. Vol. 32. N 2. P. 280.

¹⁸ Particulars of the Expedition to Copenhagen, with an account of the siege and bombardment by the English in 1807: including articles of capitulation, etc... By *Septimus Crockes*. Sheffield, 1808. P. 2.

¹⁹ *Davey J.* Securing the Sinews of Sea Power... P. 176.

²⁰ An Examination of the causes which led to the late expedition against Copenhagen. By an Observer. London, 1808. P. 1.

²¹ *Ryan A. N.* The Causes of the British Attack upon Copenhagen in 1807 // *The English Historical Review*. 1953. Vol. 68. N 266. P. 42–43.

²² *Орлов А. А.* Экономика Великобритании в эпоху Континентальной блокады (1806–1813 годы) // *Новая и Новейшая история*. 2006. № 3. С. 208.

²³ *Ryan A. N.* The Causes of the British Attack upon Copenhagen in 1807... P. 55.

²⁴ *Rose J. H.* Canning and Denmark in 1807 // *The English Historical Review*. 1896. Vol. 11. N 41. P. 92.

²⁵ *Ryan A. N.* The Causes of the British Attack upon Copenhagen in 1807... P. 46–47.

²⁶ State Papers, etc. P. V.

²⁷ См.: *The Siege of Copenhagen*. A poem; with notes, by *James Grahame*. Second Edition. Edinburgh—London, 1808.

²⁸ Письмо из Лондона // *Вестник Европы*. 1808. № 11. Том 39. С. 184–185.

²⁹ См.: *Исамухамедова И. А.* Экспедиция в Копенгаген 1807 года и английские политические круги // *Россия и Запад. Идеи, политика, культура. Конфликт — диалог — взаимовлияние*. Сборник статей кафедры всеобщей истории и регионоведения, посвященный 450-летию города Орла и 25-летию кафедры. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева». Орел, 2016. С. 93–97.

³⁰ An Examination of the causes... P. 41.

³¹ *Орлов А. А.* Экономика Великобритании... С. 208–209.

³² State Papers, etc. P. IV.

ЛИТЕРАТУРА

Возгрин В. Е. Летописцы и историки Дании: Эволюция национальной историографии от средневековья до современности. СПб.: Издательство Крига, 2019. 816 с.

Исамухамедова И. А. Экспедиция в Копенгаген 1807 года и английские политические круги // *Россия и Запад. Идеи, политика, культура. Конфликт — диалог — взаимовлияние*. Сборник статей кафедры всеобщей истории и регионоведения, посвященный 450-летию города Орла и 25-летию кафедры. Орел: ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», 2016. С. 93–97.

Меморский М. Ф. Англичане в Дании. Или действие настоящей войны: Российское сочинение. М.: Типография Платона Бекетова, 1807. 101 с.

Орлов А. А. Экономика Великобритании в эпоху Континентальной блокады (1806–1813 годы) // Новая и Новейшая история. 2006. № 3. С. 206–215.

Письмо из Лондона // Вестник Европы. 1808. № 11. Том 39. С. 184–185.

Рогинский В. В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на севере Европы в эпоху Наполеоновских войн. М.: Весь мир, 2012. С. 520 с.

Рогинский В. В. Дания в наполеоновских войнах. Распад Датско-Норвежской унии (1807–1814) // Истрия Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1996. С. 257–264.

Сорокин Ю. А. Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 15–29.

Судьба Копенгагена. (Письмо очевидца) // Вестник Европы. 1808. № 1. Т. 37. С. 69–81.

A description of Denmark; and a narrative of the Siege, Bombardment, and Capture of Copenhagen, with the surrender of the Danish Fleet, Arsenal &c. to the British Arms in the September, 1807. From the Danish Account of J. L. Sommer. Second Edition. Colchester: I. Marsden, [1808]. 42 p.

An Examination of the causes which led to the late expedition against Copenhagen. By an Observer. London: J. Hatchard, 1808. 47 p.

Davey J. Securing the Sinews of Sea Power: British Intervention in the Baltic 1780–1815 // The International History Review. 2011. Vol. 33. N 2. P. 161–184.

Dwyer P. G. Prussia and the Armed Neutrality: The Invasion of Hanover in 1801 // The International History Review. 1993. Vol. 15. N 4. P. 661–687.

Feldbok O. The Foreign Policy of Tsar Paul I, 1800–1801: An Interpretation // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas, Neue Folge. 1982. Bd. 30. H. 1. P. 16–36.

Ingram E. Illusions of Victory: The Nile, Copenhagen, and Trafalgar Revisited // Military Affairs. 1984. Vol. 48. N 3. P. 140–143.

Kulsrud C. J. The Seizure of the Danish Fleet, 1807: The Background // The American Journal of International Law. 1938. Vol. 32. N 2. P. 280–311.

Naval Papers Respecting Copenhagen, Portugal, and the Dardanelles. Presented to Parliament in 1808. London: A. Strahan, 1809. 145 p.

Particulars of the Expedition to Copenhagen, with an account of the siege and bombardment by the English in 1807: including articles of capitulation, etc... By Septimus Crockes. Sheffield: Slater, Bacon and Co, 1808. 24 p.

Ragsdale H. A Continental System in 1801: Paul I and Bonaparte // The Journal of Modern History. 1970. Vol. 42. N 1. P. 70–89.

Rose J. H. Canning and Denmark in 1807 // The English Historical Review. 1896. Vol. 11. N 41. P. 82–92.

Ryan A. N. The Causes of the British Attack upon Copenhagen in 1807 // The English Historical Review. 1953. Vol. 68. N 266. P. 37–55.

State Papers, etc. [Relating to the expedition against Copenhagen and the withdrawal of Russia from the English alliance. [With a preface.] 1808. 52 p.

The Siege of Copenhagen. A poem; with notes, by James Grahame. Second Edition. Edinburgh: Oliphant and Brown — London: Longman, Hurst, Rees and Orme, 1808. 18 p.